

В.В. Долгоруков

Как возможно Я? Доказательства для Деннета: прагматика, теория игр и нейроэкономика

В книге «Во что мы верим, но не можем доказать: интеллектуалы XXI века в современной науке» среди прочих можно найти такое заявление Д. Деннета: «Я верю, но пока не могу доказать, что владение человеческим языком (устным или письменным) — необходимая предпосылка сознания в смысле существования субъекта, Я, отличного от внешнего мира»¹. Мысль о том, что язык и мышление связаны, является одним из бесчисленных философских трюизмов — но, как мне кажется, в случае с Д. Деннетом дело не ограничивается простой артикуляцией банальностей. Он не просто фиксирует связь языка и мышления, а делает гораздо более сильное заявление: обладание языковой способностью конституирует особый присущий только человеку тип сознания. «Я предполагаю, — утверждает Деннет, — что человеческая субъективность — знаменательный побочный продукт языка и ее ни в каком виде невозможно по умолчанию экстраполировать на любой другой биологический вид»². Если мы произошли от более простых существ, то откуда взялось Я? Если благодаря языку, то в чем именно состоит механизм?

В работе «Виды психики» Деннет предлагает такую схему:

Усовершенствования, которые мы вносим в свой мозг, обучаясь языку, позволяют нам разбирать, вспоминать, повторять, перепланировать наши действия, превращая тем самым мозг в нечто вроде эхокамеры, в которой могут «зависать» и становиться самостоятельными объектами процессы, иначе протекающие незамеченными. Те из них, которые остаются там дольше всего, приобретая в результате влияние, мы называем нашими осознанными мыслями³.

По Деннету, обучение языку в буквальном смысле изменяет механизмы работы головного мозга, формирующие специфически чело-

¹ Брокман Дж. Во что мы верим, но не можем доказать: интеллектуалы XXI века о современной науке ; пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2011. С. 178.

² Там же. С. 181.

³ Деннет Д. Виды психики. На пути к пониманию сознания ; пер. с англ. М. : Идея-Пресс, 2004. С. 121.

веческий тип психики. Назовем утверждение о том, что усвоение языка является ключевым фактором в формировании сознания, тезисом Деннета. Как уже было отмечено в начале, Деннет пока не может доказать данный тезис. Попытаемся привести доказательство.

Доказательство возникает из достаточно неожиданных областей — прагматики, теории игр и нейроэкономики, но является слабым (скорее следовало бы использовать слово *evidence* — «доводы», «свидетельства в пользу»). Как мне представляется, в свете данных прагматики, теории игр и нейроэкономики точка зрения Деннета становится по крайней мере обоснованно правдоподобной. Но прежде чем обратиться к доказательствам, отметим ряд важных моментов в деннетовской философии сознания.

Во-первых, важна трактовка интенциональности. Для Деннета она более фундаментальна, нежели сознание. Это возможно потому, что Деннет рассматривает интенциональность просто как удобную объяснительную стратегию (наряду с физической и стратегией замысла). Поэтому нет принципиальной разницы между внутренней и внешней интенциональностью. Если удобно описывать поведение объекта исходя из допущения о наличии у него желаний и намерений, значит этот объект обладает интенциональностью.

Интенциональная установка — это такая стратегия интерпретации поведения объекта (человека, животного, артефакта, чего угодно), когда его воспринимают так, как если бы он был рациональным агентом, который при «выборе» «действия» руководствуется своими «верованиями» и «желаниями»¹.

Такая широкая трактовка позволяет рассматривать как интенциональные объекты термостаты, самореплицирующие макромолекулы, амёб, растения, летучих мышей, компьютеры, играющие в шахматы компьютеры и т.д. «Я называю все эти объекты, — пишет Деннет, — от простейших до самых сложных, интенциональными системами, а позицию, позволяющую увидеть их (псевдо- либо подлинную) деятельностьную природу, интенциональной установкой»².

Во-вторых, человеческое сознание для Деннета является только одной из разновидностей «психик» (*minds*). В работе «Виды психики» он рассматривает более простые психические формы и формулирует схему возможного направления эволюции от одних форм к другим. Таким образом, вопрос о возникновении Я и роли языка в этом про-

¹ Деннет Д. Указ. соч. С. 33.

² Там же.

цессе — только одна из глав (возможно, самая трудная) в описании усложнения психических форм.

Мы произошли от роботов и состоим из роботов, и вся интенциональность, которой мы владеем, является производной от более фундаментальной интенциональности этих миллиардов грубых интенциональных систем. Я не начал с конца, я начал с начала. Только это направление поисков является перспективным¹.

В-третьих, Деннет разделяет положение когнитивных наук о том, что большая часть нашей ментальной жизни от нас скрыта. Одно из самых ярких подтверждений этого тезиса — феномен слепозрения. Слепозрение представляет собой состояние, при котором человек способен реагировать на визуальные стимулы, не осознавая этого². К примеру, если попросить «слепозрящего» указать на точку на экране, он сможет это сделать, будучи слепым. Человек ничего не видит, он слеп, но действия его руки согласуются с визуальным стимулом. Рука выполнит команду мозга, но человек не получит доступа к зрительной информации. Явления такого рода позволяют предположить, что у тела есть своя психика, отличная от моей собственной:

Вероятно, иногда возникает соблазн соединить некоторую часть этой телесной информации в отдельную психику. Почему? Потому что эта информация организована таким образом, что может иногда казаться чем-то относительно самостоятельным, что проводит различия, учитывает предпочтения, принимает решения, предпринимает меры, соперничая в этом с вашим сознанием³.

В-четвертых, нужно сделать методологическое замечание — для Деннета важна «минимальная отправная точка» рассуждений. Мы должны объяснять менее понятное через более понятное, менее убедительное через более убедительное. Деннет исходит из того, что теории эволюции достаточно для объяснения возникновения любых сложных систем: «если дарвиновские механизмы могут объяснить существование жаворонка во всей его изумительности, они, конечно, могут объяснить и существование оды в честь соловья»⁴.

¹ Там же. С. 62.

² *Velmans M. The Blackwell Companion to Consciousness*; S. Schneider (ed.). Wiley-Blackwell, 2007. P. 75.

³ Деннет Д. Виды психики. С. 86.

⁴ Цит. по: Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М.: Канон+, 2004. С. 192.

В-пятых, следует разделить круг проблем, связанных с Я, и круг проблем, связанных с персональностью. Личность представляет собой более сложную конструкцию, чем Я; вопросу о том, каким образом конституируется личность, посвящена работа «Условия присутствия личности»¹.

Последний принципиальный момент касается статуса Я. Для описания Я Деннет пользуется метафорой «центр нарративной гравитации». По аналогии с центром гравитации (центром тяжести) физических объектов Я представляет собой лишь удобную теоретическую конструкцию. Что бы ни происходило с физическим объектом, у него всегда будет центр тяжести, который не совпадает ни с одной частью физического объекта. К примеру, стул можно сломать, переделать, перекрасить, но его центр гравитации не исчезнет. Что бы ни происходило с личностью, у нее тоже всегда будет центр нарративной гравитации. Изменения личности могут быть любыми, они могут касаться только доступного репертуара социальных ролей (сегодня я — президент, завтра — только игрок в бадминтон), а могут быть более драматичными — сегодня я вступлю в «Единую Россию», а завтра пойду на сделку с дьяволом. Но что бы ни происходило с личностью, никто не способен лишить ее возможности составлять связанные рассказы о себе.

Все мы виртуозные рассказчики, обнаруживающие себя вовлеченными в любые виды поведения, и всегда стараемся сохранить по возможности лучшее лицо. Мы стараемся связать весь материал в единую хорошую историю. Эта история — наша автобиография. Главный вымышленный персонаж в центре этой автобиографии и есть чье-то Я².

Итак, Я, по Деннету, основано на способности рассказать о себе. В этом пункте позиция Деннета схожа с позицией Рикёра с той разницей, что «Деннет выступает посредником между жизнью и наукой, а Рикёр между жизнью и литературой»³.

Если бессознательная часть психики первична по отношению к сознательной, то как возможно Я? Как оно возникает? Если Я представляет собой комплекс нарративов, то должны ли быть какие-то общие свойства в структурах языка и бессознательной части психики?

¹ Деннет Д. Условия присутствия личности // Логос. 2003. № 2 (37). С. 153–154.

² Dennet D. The Self as a Center of Narrative Gravity // Self and Consciousness: Multiple Perspectives; F. Kessel, P. Cole and D. Johnson (eds.). Hillsdale (N.J.) : Erlbaum, 1992. P. 114.

³ McCarthy J. Dennett and Ricoeur on the Narrative Self (Contemporary Studies in Philosophy and the Human Sciences). Amherst ; N.Y. : Humanity Books, 2007.

В соответствии с деннетовской моделью множественных набросков (multiply drafts model) сознание представляет собой совокупность процессов, обладающих доступом к другим процессам и отличающихся большей интенсивностью. Язык вырывается из глубин психики и при этом имеет явную структуру, которую можно изучать, и возможно, что структуры языка несут в себе информацию о том, как организована не доступная нам часть психики. По мнению В.В. Васильева,

он (Деннет. — В.Д.) пытался показать, что традиционные картины, предполагающие существование генерирующего осмысленную речь и выносящего решения Я, не соответствуют реальной феноменологии процессов подбора слов и воления и гораздо лучше объясняются с позиций теории множественных набросков. В самом деле, речь формируется скорее не сверху, из мифического Я, а снизу, из множества протонарративных конкурентных процессов — именно поэтому слова и фразы обычно как бы выныривают на нас, возникают из каких-то глубин¹.

Поэтому если мы обнаружим некоторые сходные структуры и в устройстве языка, и в устройстве «глубин психики», то сможем воспользоваться этим фактом как косвенным подтверждением тезиса Деннета. На мой взгляд, о таком сходстве говорят со стороны языка данные прагматики, а со стороны «глубин психики» — данные нейроэкономики.

Область прагматики традиционно отождествляется с изучением механизмов влияния контекстов употребления на языковое значение. Прагматика является важным пластом естественного языка, связанным со способностью осознавать и преодолевать личностные границы. Интересно, что способность оперировать прагматически сложными конструкциями коррелирует с когнитивной способностью поставить себя на место другого. Это подтверждается как описанием онтогенеза речи, так и данными клинической прагматики.

Прагматика началась с пионерских работ Грайса, сформулировавшего «принцип кооперации», и за достаточно короткий период существования пришла к мощным теоретико-игровым моделям описания. Ариэль Рубинштейн проницательно замечает по этому поводу: «Другими словами, теория Грайса по существу представляет собой описание того, как один агент рассуждает о том, как рассуждает другой. Что в точности совпадает с определением стратегического рассуждения и самой сущностью теории игр»².

¹ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2009. С. 132.

² Rubinstein A. Economics and Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 42.

Теоретико-игровой подход представляет собой семейство таких моделей, как равновесная семантика (П. Парик), анализ вычисления скалярных импликатур, анализ количественных импликатур (Р. ван Роой), анализ неопределенностей (П. Парик), прагматика вежливости (Р. ван Роой), теория убеждения (А. Рубинштейн) и др. Являются ли теоретико-игровая прагматика просто моделью *ad hoc*? Почему средства теории игр могут быть адекватными при анализе прагматических явлений? Это возможно, как мне представляется, благодаря тому, что теоретико-игровая прагматика исходит из динамической трактовки значения. «Значение, — отмечает А.В. Питаринен, — представляет собой разновидность интерактивных процессов, порождающих совокупность действий, которые возникают, могут или могли бы возникнуть в качестве следствия игры в различных контекстах и разном окружении»¹.

Принципиально важным моментом применительно к концепции Деннета является тот факт, что для описания широкого спектра прагматических феноменов оказались релевантными те же средства, что и для описания бессознательных механизмов принятия решений. Последнее — сфера исследования нейроэкономики.

Нейроэкономика представляет собой новую междисциплинарную область исследований на пересечении поведенческой экономики, психологии и нейробиологии. Основная задача нейроэкономики — изучение нейрофизиологических оснований принятия решений. Нейроэкономические исследования вызывают противоречивые отзывы: одни авторы утверждают, что нейроэкономика возвращает нас в романтические времена Адама Смита, когда экономика занималась человеческой природой²; другие критикуют нейроэкономику за слишком поспешные обобщения и недостаточную строгость³.

Нейроэкономика раскрывает на физиологическом уровне механизмы принятия решений и объясняет, почему многие паттерны поведения противоречат классическим представлениям о рациональности. Все дело в том, что процедура принятия решения подразумевает одновременную оценку несколькими нейронными системами, некоторые из которых могут быть архаичными и не способными быстро адаптироваться к изменяющимся условиям.

¹ *Pietarinen A.V.* The Semantics/Pragmatics Distinction from the Game-Theoretic Point of View // *Game Theory and Linguistic Meaning*. Elsevier, 2007. P. 232.

² *Siegfried T.* A Beautiful Math: John Nash, Game Theory, and the Modern Quest for a Code of Nature. Washington (D.C.) : Joseph Henry Press, 2006. P. 106.

³ *Rubinstein A.* Comments on Neuroeconomics // *Economics and Philosophy*. 2008. V. 24. P. 485–494; <http://arielrubinstein.tau.ac.il/papers/neuro.pdf>.

Считается, что в основе работы разных систем принятия решений лежит работа независимых сетей головного мозга. Поведение, связанное с автоматизмами, обусловлено активностью в латеральной области стриатума (*dorsolateral striatum*) — области, играющей ключевую роль в планировании и изменении поведения. Целенаправленное поведение в большой степени контролируется лобными областями коры и медиальной областью стриатума (*dorsomedial striatum*)¹.

Один из основных результатов состоит в том, что обнаружены нейрофизиологические механизмы, лежащие в основе нерационального поведения, закономерности которого впервые были исследованы Канеманом и Тверски². «Наша цель, — отмечают Ключарев, Шмид и Шестакова, — показать, что нерациональное поведение, т.е. поведение, не укладывающееся в традиционные нормативные экономические теории, является результатом эволюционного отбора, закрепленного в структуре и функциях нейронных сетей нашего мозга»³. Самое примечательное в нейроэкономике относительно гипотезы Деннета состоит в том, что теоретико-игровые равновесия постулируются в качестве вычислительного механизма функционирования мозга. Глимчер отмечает: «Мы сделали предположение о том, что теория игр может служить вычислительной моделью для принятия решений в условиях неопределенности»⁴.

К сходным схемам описания прибегает и теоретико-игровая прагматика. Если сравнить между собой описание нейроэкономического эксперимента по распознаванию зашумленных изображений лиц и домов⁵ и теоретико-игровую модель П. Парика для анализа многозначных выражений или модель для прагматики анафорических конструкций⁶, мы увидим практически идентичную картину, что совершенно неожиданно. Во-первых, нейроэкономика и теоретико-игровой подход к прагматике развивались независимо друг от друга, а

¹ *Ключарев В.А., Шмид А., Шестакова А.Н.* Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // *Экспериментальная психология*. 2011. Т. 4, № 2. С. 9.

² *Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47 (2). P. 263–292.

³ *Ключарев В.А., Шмид А., Шестакова А.Н.* Указ. соч. С. 15.

⁴ *Glimcher P.W.* Foundations of Neuroeconomic Analysis. L. : Oxford University Press, 2010. P. 318.

⁵ *Heekeren H.R., Marrett S., Ungerleider L.G.* The Neural Systems that Mediate Human Perceptual Decision Making // *Nature Reviews Neuroscience*. 2008. Vol. 9. P. 467–479.

⁶ *Parikh P.* Language and Equilibrium. Cambridge (Mass) ; L. : MIT Press, 2010; *Ross D.* Game Theory // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2011 Edition). — <http://plato.stanford.edu/archives/fall2011/entries/game-theory/>.

во-вторых, они описывают не связанные между собой структуры. Парик мимоходом отмечает эту параллель, отсылая к нейроэкономическим исследованиям Глимчера: «Имеются свидетельства нейронаук в пользу происходящих на бессознательном уровне процессов принятия решений и равновесных процессов»¹.

Нейроэкономика раскрывает физиологические механизмы принятия решений, которые согласуются с деннетовской концепцией множественных набросков: «В целом результаты нейроэкономических исследований убедительно указывают на то, что осуществление выбора в процессе принятия решения обусловлено работой параллельных нейрональных систем»².

Сфера применения теории игр удивительно разнообразна, абстрактность теоретико-игровых моделей позволяет описывать механизмы функционирования совершенно различных по своей природе систем. По утверждению Роберта Аумана, «теория игр представляет собой нечто вроде комплексного подхода или объединяющей сферы для рациональной части социальной науки, где “социальное” понимается в широком смысле, включающем в себя в качестве игроков людей и не только людей (компьютеры, животные, растения)»³. В популярной книге, посвященной Дж. Нэшу, можно даже встретить выражение «код природы»⁴.

Позволю себе небольшое «лирическое отступление». Мир, схватываемый теоретико-игровыми конструкциями, очень бы понравился Гераклиту; фрагмент В52 гласит: «Вечность — дитя, переставляющее шашки, царство ребенка». В комментарии к этому фрагменту А.Л. Доброхотов (М., 2008) отмечает вещи, созвучные с мировосприятием теории игр: «Символом, наилучшим образом отражающим тождество хаоса и космоса, оказывается “игра”. Эта *coincidentia oppositorum* объясняется игрой, потому что игра есть деятельность одновременно и целесообразная, и бессмысленная. И свободная (а потому радостная), и подчиненная внутренним законам (а потому интересная). “Игра” — посредник между хаосом и космосом, в ней оба эти состояния сосуществуют и проявляются в своей полноте»⁵.

Учитывая такой широкий контекст применения, вполне правдоподобно, что теоретико-игровые механизмы обнаруживаются и в

¹ Parikh P. Op. cit. P. 299.

² Ключарев В.А., Шмид А., Шестакова А.Н. Указ. соч. С. 32.

³ Aumann R. Game Theory The New Palgrave // A Dictionary of Economics. Vol 2; ed. by J. Eatwell, M. Milgate, and P. Newman. L. and Basingstoke : Macmillan, 1987. P. 460–482.

⁴ Siegfried T. Op. cit. P. 106.

⁵ Доброхотов А.Л. Избранное. М.: Территория будущего, 2008. С. 226.

структурах языка, и в работе нашего мозга. Тот факт, что большой пласт прагматических феноменов может быть описан теми же структурами, что и механизмы принятия решений, как мне кажется, может быть использован в качестве аргумента в пользу гипотезы Деннета.

Но как все это согласуется с методологическими стандартами Деннета, с установкой на «минимальную отправную точку», как неразумное создает разумное? Другими словами, можно ли средствами эволюционной теории описать качественное усложнение поведения, которое привело к тому, что одни вычислительные процессы в мозге получили доступ к другим вычислительным процессам? Предположим, что такое усложнение поведения происходило по следующей схеме — установка на моделирование интенциональных состояний другого является первичной, но один из биологических видов получает возможность предсказывать собственные интенциональные состояния благодаря появлению языковой способности.

Один из примеров сложного стратегического поведения животных, основанного на предсказании интенционального состояния другого, — так называемый стоттинг, характерный среди прочих и для газели Томсона. Стоттинг представляет собой спонтанные прыжки газели, причем они часто происходят, когда хищник на близком расстоянии. Зачем она это делает? Зачем газель привлекает к себе внимание вместо того, чтобы спрятаться? А. Захави делает смелое предположение — стоттинг представляет собой сигнал, посылаемый хищнику¹. Газель демонстрирует хорошую физическую форму, сообщая хищнику, что не нужно тратить силы и гнаться за ней, лучше попытаться поймать более слабую жертву. Поэтому даже в опасной ситуации, когда хищник находится на достаточно близком расстоянии, газель может прибегать к такой рискованной стратегии поведения. Неразумная газель следует крайне «разумной» стратегии, она ведет себя как хороший игрок в покер. Но откуда у нее такая «макиавеллевская хитрость»? Ответ может быть только один — эволюция сделала ее такой. Уильяма Блейка восхищал тигр, в нем он видел руку творца; газель Томсона тоже достойна восхищения, но можно обойтись и без отсылок к разумному замыслу — стоттинг является эволюционно стабильной стратегией, найденной путем проб и ошибок и закрепившейся благодаря естественному отбору. Газель способна к демонстрации сложного поведения по той же причине, по которой «Deer Blue» обыгрывает Каспарова в шахматы. Но в отличие от «Deer Blue»

¹ Zahavi Am., Zahavi Av. The Handicap Principle: A Missing Piece of Darwin's Puzzle. Oxford : Oxford University Press, 1997.

хитрость в поведении газели сложилась стихийно. Газель демонстрирует, что «слепой часовщик» Р. Доккинза ведет себя так же, как и «невидимая рука» А. Смита — сложное поведение создается в результате взаимодействия простых систем. Таким образом, эволюция как «минимальная отправная точка» позволяет объяснить возникновение сложных моделей поведения, основанных на предсказании поведения другого.

Но каким образом эволюция может объяснить появление Я? Думаю, на этот вопрос может ответить гипотеза социального интеллекта, в соответствии с которой эволюционные преимущества получали те, кто в лучшей степени был способен предсказывать поведение другого. Гипотеза социального мозга исходит из того, что развитие мозга человека происходило как раз по такой схеме — необходимость предсказывать поведение другого привела к необходимости формировать представление о собственных ментальных состояниях. Появление языка стало мощным инструментом, который позволил фиксировать в кратковременной памяти высокоуровневые процессы (ср. с деннетовской метафорой эхокамеры) и, как следствие, расширить арсенал доступных форм поведения. Какие эволюционные преимущества дает естественный язык? Ведь если естественный язык так плох (о чем непрестанно свидетельствовали Фреге, Рассел и Куайн), то почему мы говорим именно на нем? Постулируемый генеративистами врожденный language acquisition device является только синтаксическим модулем, независимым от прагматики. Наши врожденные синтаксические способности никак не противоречат тому, чтобы мы бы могли говорить на логически совершенном языке, лишенном неточностей и неоднозначностей. Возможно, что за сложной прагматикой естественного языка стоят вещи, ради которых можно пожертвовать точностью. Как мне представляется, к эволюционным преимуществам (преимуществам, обеспечивающим выживание) сложного прагматического устройства естественного языка следует отнести возможность нивелировать конфликты и использовать более сложные стратегии поведения, пользуясь неоднозначностью интерпретации высказывания. Тем самым снижаются разного рода поведенческие риски и обладание языком дает нашему виду огромные эволюционные преимущества¹. Судя по всему, мы не используем языки программирования для стихосложения, наши политики не произносят речи на языке лямбда-исчисления, а у юмористов иногда получается

шутить в том числе и по той причине, что прагматическая архитектура искусственных языков слишком примитивна, чтобы быть основой для юмора, флирта или политики. По выражению Талейрана, «язык нам дан для того, чтобы скрывать мысли», в этом наше преимущество перед газелью Томсона. Поэтому сложную прагматическую архитектуру естественного языка можно поставить в один ряд с другими свидетельствами имплицитно заложенной в природе человека склонности к коммуникации (прозрачными белками глаз, зеркальными нейронами и т.д.).

Появление языка становится самым важным событием в истории нашего вида с точки зрения преимуществ перед другими видами.

В истории создания сознания нет этапа более возвышенного, более бурного, более значительного, чем изобретение языка. Когда биологический вид Homo sapiens овладел этим изобретением, он совершил рывок, благодаря которому намного обогнал всех других животных в способности предвидеть и размышлять. Что верно для всего вида, то верно и для отдельного индивида. В жизни индивида нет шага, открывающего больше возможностей, нежели «научение» языку¹.

При этом сам вопрос о возникновении языка остается за скобками (можно придерживаться любой точки зрения — Фодора и Хомского или Пинкера и Джекендофа), но с возникновением языка наш вид получил самое важное эволюционное преимущество. Я разделяю генеративистский тезис, состоящий в том, что язык представляет собой не артефакт, не изобретение, а естественную способность (capacity) или инстинкт². Ребенку не нужно учиться языку, чтобы говорить, так же как птице не нужно учиться пользоваться крыльями, чтобы летать; ребенок развивает заложенную в нем способность. И эта способность, языковая способность, является отличительной чертой нашего вида.

Но почему построение нашего языка, а именно того его пласта, который связан со способностью поставить себя на место другого, похоже на построение неосознаваемых вычислительных процессов, отвечающих за принятие решений? Такое совпадение вряд ли может быть случайным, так как, во-первых, развитие психики ребенка коррелирует с развитием у него прагматических компетенций; во-вторых, аномальные варианты развития психики также коррелируют с трудностями анализа прагматически нагруженных высказываний.

¹ Деннет Д. Виды психики. С. 153.

² См.: Pinker S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language. N.Y.: HarperCollins, 1994.

¹ Pinker S. The Evolutionary Social Psychology of Off-Record Indirect Speech Acts // Intercultural Pragmatics. 2007. Vol. 4, No. 4. P. 437–461.

зываний; в-третьих, эволюционная теория игр служит хорошим инструментом как для описания сложного стратегического поведения животных (стоттинг), так и для моделирования гипотетически возможной схемы усложнения языка. А усложнение системы коммуникации (как это постулирует теория социального мозга) служит инструментом усложнения устройства мозга¹.

Таким образом, мы видим, что такие разные сферы, как теория эволюции, гипотеза социального мозга, математические модели развития естественного языка, данные нейроэкономики и теоретико-игровые модели для большого числа прагматических феноменов хорошо согласуются друг с другом. Именно эта согласованность может служить аргументом для обоснования гипотезы Деннета. Я формируется языком по той причине, что именно наш биологический вид пошел по пути процедуры усложнения способности предсказания не только интенциональных состояний другого, но и собственных ментальных состояний. И структуры языка хранят в себе следы этой процедуры усложнения. Поэтому именно язык играет ключевую роль в формировании нашего сознания, того типа психики, которая отличает нас от грудных детей и собак. Антропогенез происходит каждый раз заново в том смысле, что усвоение языка является триггером, запускающим функционирование человеческой психики. Всегда было известно, что язык и мышление связаны, но именно философия сознания Деннета на фоне прагматических и нейроэкономических данных намекает на более радикальные выводы — в антропологии побеждает не *Homo Faber*, а *Homo Loquens*, он же одновременно и *Homo Ludens*.

P.S. В этой статье было сделано много сильных заявлений, поэтому хочется добавить «ложку» скепсиса в эту «бочку» пафоса. Как известно, Декарт предполагал, что органом, в котором расположена душа, является шишковидная железа (эпифиз, *glandula pinealis*)². Сейчас это смелое предположение кажется безнадежным анахронизмом — Райл и Деннет безвозвратно «отняли» у нас душу. Может быть, гипотеза Деннета также окажется несостоятельной и победит более экзотическая теория (скажем, квантовая теория сознания) или ко-

¹ См.: *Dunbar R.I.M. Co-evolution of Neocortical Size, Group Size and Language in Humans // The Behavioral and Brain Sciences. 1993. Vol. 16. P. 681–735.*

² Сам Декарт не употребляет термин «шишковидная железа» (*glandula pinealis*), он называет эту часть мозга «le siége de l'âme» (седло души, центр души). Я благодарю профессора Ж. Лорана за это замечание. Хороший исторический обзор спекуляций, касающихся функций эпифиза, представлен в статье «Декарт и шишковидная железа» в Стэнфордской философской энциклопедии. — <http://plato.stanford.edu/entries/pineal-gland/>.

гда-нибудь придется отказаться даже от хорошо подтверждаемой теории эволюции. Но в XVII в. стоило бы согласиться с Декартом. Если оставаться в рамках картезианского дуализма и исходить из того, что в организме должна быть точка, где ментальное соприкасается с физическим, то эпифиз — самое подходящее место; где же душе быть как не в шишковидной железе, расположенной практически в самом центре мозга и, если смотреть невооруженным глазом, не выглядящей парной в отличие от других частей мозга? В XVII в. новизна и согласованность данных казались бы мне убедительными аргументами в пользу догадки Декарта, так же как в настоящий момент теория игр, прагматика и нейроэкономика кажутся хорошими аргументами в пользу гипотезы Деннета.

Е.Г. Драгалина-Черная

Экзистенциальные конструкции первого лица: узус и рацио

Традиция грамматической подозрительности в отношении когито имеет давнюю историю и представлена двумя основными направлениями. Первое направление восходит к энтузиастам логической критики языка начала прошлого века, обвинявшим естественный язык с характерным для него предикативным выражением существования в той «метафизической путанице», которая приводит к «псевдопредложениям», утверждающим абстрактное существование. Развивая кантовскую тему «ста талеров», идеологи «преодоления метафизики логическим анализом языка» настаивали на второпорядковом характере предиката существования. Р. Карнап, например, писал: «Большинство метафизиков, начиная с глубокого прошлого, ввиду вербальной, а потому предикативной формы глагола “быть” приходили к псевдопредложениям “я есть”, “Бог есть”»¹. Он полагал, что существование не может относиться как предикат к знаку предмета, но лишь как предикат к предикату. Согласно Карнапу, предложение существования должно иметь не форму «*a* существует», но форму

¹ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998. С. 82.